

В номере:

Георгий Яропольский

Потерянный ад

Елена Асеева

Книга ангелов

Выдающийся поэт России

Владимир Леонович

Проза Поэтограда

Юрий Ковалев

Журнал

«Дети Ра»

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ (1933—2014)

Семеро и один

В. Суховскому

Твои рассказы про ГУЛАГ
душе моей невмоготу.
Врастал в социализм кулак,
а врос в тайгу и мерзлоту.

На черном севере страны
их семеро сидят кружком
и снимали зипуны,
и все присыпаны снежком.

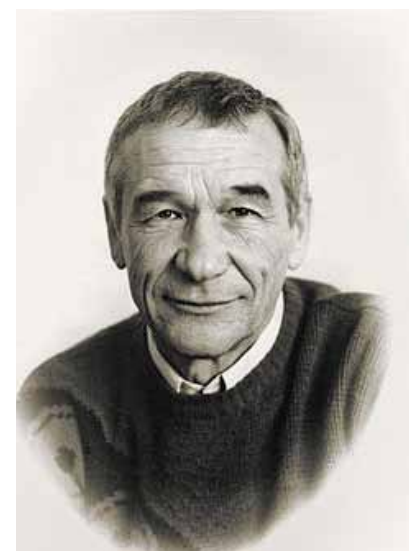
И в мужиках дыханья нет —
они витают в лучших снах.
И лишь мальчишка малых лет
как будто дышит в зипунах.

Высоко вытаял сугроб,
лежит на тепiline малец,
зальдели все, и нету дров,
и этот мальчик не жилец.

Как поминальная свеча,
он долго теплится в снегу.
Земля уже негоряча,
и как ему я помогу?

И как ему поможешь ты,
покуда милует мороз,
пока по следу теплоты
еще густеет белый ворс?..

Минует время — горе, гнев —
одно минует за другим...
Семь кулаков, окаменев,
сидят над мальчиком своим.

(Стихотворение из журнала «Дети Ра», № 1, 2008)

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни

Мы делаем программы для ТВ, Интернет-ТВ, создавая галерею образов наших современников. Телекомпания «Диалог» — это разговор с обществом, государством, церковью, писателями и художниками, деятелями культуры и науки, мастерами всевозможных профессий... Это общение представителей самых различных слоев общества. Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

Коммерческий отдел нашей телекомпании принимает заявки на съемки фильмов по заказу.

Тел.: +7 (495) 971 79 25, факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Борис Якубович
«В лабиринтах памяти»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Александр Бушков
«Дверь в чужую осень»
ДИПик «Капитал», 2015

Павел Дмитриев
«Еще не поздно. Время собирать камни»
М.: «Альфа-книга», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

«ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ГЕОРГИЙ ЯРОПОЛЬСКИЙ ПОТЕРЯННЫЙ АД

ПОЭМА-ТРАКТАТ

Там витали Франческа с Паоло, тешась тем, что в плену они вместе, что в Ка не убийца, из мести их прервавший наземную страсть... Пусть суров Бог с вопросами пола, но в аду намилуются власть!

IV

Очень много я пересказать бы мог из «Ада», но дело не в этом: обо всем, уже кем-то пропетом, петь лишь попка продвинутый рад — тот, кому что поминки, что свадьбы... Я ведь в шутку поставил: «трактат».

Так что цель настоящей поэмы состоит не в простом изложении тех картин, чье суровое жженье Данте лик опалило, но в том, чтоб, его обозначивши темы, рассказать, что случилось потом.

Это подвиг был в литературе, но, опять же, бесцельны потери — ведь утрачен и «Ад» Алигьери: лишь немногим он внятн теперь, коли все утонуло в гламуре, как ни хай ты его и ни херь.

«Буду вечно», — так надпись гласила, по свидетельству Данте, у входа в пекло тыща трехсотого года; эта вывеска снята теперь: наша сила весь ад подкосила, автогеном заварена дверь.

Впрочем, это случилось не вскоре: еще долгое, долгое время рай сиял, антитезой рея преисподней; всяк был на виду — о грядущем молясь приговоре, мало кто рвался греться в аду!

I

Весть пришла из глубин Интернета: с inferнальным покончено бредом, страх возмездья отныне неведом, жечь нас нечем и негде варить, — не держать после смерти ответа нам за то, что смогли натворить.

Значит, все мы и то потеряли, чего прежде боялись безмерно: виз не выдадут больше в inferно, воцарилась одна пустота, перед ликом которой едва ли отличится хоть этот, хоть та.

Да, бесцельны людские потери: начиная с Адама и Евы, производим, раззявы, посева — что посеяли, сможем ли счесть? Зря ругаем кого-то: «Тетери!» — это слишком высокая честь.

Не тетерь ведь из рая просили удалиться — иных ротозеев. Прародителей грезы развеяв, опустили их в эту юдоль — на нужду, на вражду, на насилие, на невзгоды, на горе, на боль.

Растолкуйте-ка: каялся ль Каин, первым грохнувший брата родного? Что б случилось, родись они снова? Убиенный невинен ли брат? ...От Эдема до самых окраин о ту пору раскинулся ад!

II

Нам об аде известно немало: он устроен еще прежде рая (небу лишь да земле уступая) — и он стал Люциферу тюрьмой, когда ангелов горстка восстала и пошла против Бога на бой.

Об Аиде и древние греки толковали, знакомы с укладом его так, словно он где-то рядом простирался по тем временам; знали все в нем овраги и реки, его жителей — по именам.

Но Аид был и адом, и раем: никакого тебе «или-или», после смерти там не разводили грешных с праведными, как потом, — так при жизни герой с негодяем делят землю — один общий дом.

Там не знали жестокости дикой, за глухой не скрывались стеною: так, Орфей за своею женою низошел, как от горя иссох, — отпустили его с Эвридикой, хоть и ждал их в итоге подвох.

Только не было там почему-то (олимпийски наивная вера!) заточенного в лед Люцифера, был лишь Цербер, трехглавый терьер... Ну а позже в аду стало круто — дело, видно, в различии вер.

III

Позже многим ад явлен был вживе — он у Данте показан подробно, энергично и пылко, подобно его собственным звонким словам, в четких красках, в могучем разливе: Алигьери творил его сам.

Был Вергилий его провожатым — песнотворец из первого круга (в этом Данте большая заслуга: он открыл для нас девять кругов). Тот его почитал за собрата — и повсюду вести был готов.

Там Гомера с Горацием встретил наш певец, и Овидий с Луканом в этом круге, поистине странном, благосклонно предстали пред ним; их собор величав был и светел, хоть и Лимбом тогда уязвим.

А Минос, обратившийся в беса, во втором правил круге — он строго назначал всем отпавшим от Бога круг в аду (его хвост — точно плеть); коль блудница ты или повеса, то и ниже тебе не лететь.

V

Диктовал о потерянном рае Мильтон, зренье утратив под старость. Ему нечто другое досталось — то, что прозвано зреньем души. Там, где глаз бесполезно старанье, все слепец различает в тиши.

Рассказал он о хитрости змея, обольстившего мужа с женою, разлучив их навек с пленюю, зло скрывавшей от них и добро, чтоб, от собственной дерзости млея, они бросили все на зеро.

Описал наказание Божье («Люди-боги? Не будет такого! Прах оживший, уйдешь в него снова!»), Вельзевула бунтарский разброд — и его низложение тоже, и Мессии грядущий приход.

Вот что в этом творении странно: в своем веке, далеком и мглстом, Мильтон все-таки был оптимистом — и, пожалуй, хватил через край: веря в то, что излечится рана, возвращенный пророчил он рай.

Краски райского великолепия различал так отчетливо Мильтон взором, тьмой бесконечной промытым и лишенным наружных оград... Через три с половиной столетия оказалось: потерян и ад.

VI

Тосковать ли об этой утрате? Мы свободны теперь — наконец-то! Человечество, впавшее в детство, ныне может, как хочет, шалить — и не надо скорбеть о расплате, коль разорвана времени нить.

Это ж надо — концлагерь открыли, мораторий на казни объявлен... Только дурень здесь будет подавлен — оголтелый, простите, дурак! Если это останется в силе, нам Эдем ни к чему и за так!

Жить на привязи — в этом ли счастье? Разве кто-то скучает по клетке? Прочь — заборы, ограды и сетки! Прочь — проклятая адская тень! Все дозволено, все — в нашей власти, и помылить о чем-либо — лень.

Все дозволено — кроме сомнений, угрызений, забот и печали. Разве лучше жилось им вначале — тем, кому даровали Эдем? Змей, по сути, был добрый их гений... Рай? Забыть бы о нем совсем!

Как же долго мы этого ждали — век за веком... Устали, наверно? Эйфория — закрыто inferно, а от этого — шире простор: перед нами распахнуты дали, кои вряд ли кто знал до сих пор.

VII

Выше шли, разумеется, бредни Потрошителей и Барабеков, недоносков и сверхчеловеков (без одних не бывает других) — им соблазны расставили бредни, их в сетях закрутило тугих.

Преступление без наказания — отродясь вот такая малина их, болезных, по жизни манила... Сатана их ничуть не страшил: от него они ждали признанья, не щадили для этого сил.

Порождения ада земного сами метили в эту когорту, поклоняясь закланному черту и во всем преступая черту. Что — Эдем? Для чего туда снова, коль иную взлелеял мечту?

Не могли они знать, костоломы, в полоумной жестокости тужась, что вселяют и в ад они ужас, далеко превзойдя Сатану; что их нравы в аду незнакомы, что они много ближе ко дну.

Но, куда ад не был потерян, всех туда принимали покуда, о возмездье любая паскуда помышляла порою, и вот — топорам, и кастетам, и перьям хоть какой-то бывал укорот.

VIII

Под эгидой лубочного ада поживали, друг дружку тузили, тосковали об анестезии, голосили, божились, клялись, — человечье безумное стадо, гной познавшее, кровушку, слизь.

Воевали ли чашу Грааля или гроб воевали Господень, каждый был опасений исполнен: мол, чуть что — и поджарят в аду; ну а ведьма ты там или краля, погибать тебе в том же чаду.

Восставал кое-кто то и дело, ополчаясь на происки зверя, в обреченность людскую не веря, чужа сладкую гниль и то зло, что нарывом пугающим зрело, но чудовище только росло.

Потому не с одним только раем мы простились, но также и с адом: ведь они, если вдуматься, рядом пребывают, друг другу под стать, — ну а мы со стыда не сгораем, и блаженства нам не испытать.

Что скопилось, настолько уж гнусно, отвратительно, мерзко и гадко, что, задумчиво молвив: загадка, лоб наморщив — ну чистый Сократ! — Люцифер от людей отвернулся, заперев перед нами свой ад.

IX

Ад закрыт. Ад утрачен навеки. Что же ждет тех, кто был туда принят? Неужели их тоже отринет Сатана, выбирая покой? И грехов нескончаемых реки хлынут вспять разъяренной рекой?

Да, грохочут болты и засовы — путь наружу теперь предоставлен. Негодяи, черны от подпалин, получают обратный билет. Ну а мы-то сброд встретить готовы, что накоплен за тысячи лет?

К сожалению, неразличимы эти грешники в рамках контекста — из такого же слеплены теста, а иных мы давно превзошли. Что с того, что стада мертвечины растеклись по просторам земли?

Они ходят среди нас, как живые, нами правят с таким же успехом, как и мы, предаются утехам — и не ведают страха ничуть. Не согнуть их жестокие выи — точно так же, как нас не согнуть.

Под людей маскируются туши, что обуглены пламенем ада. Древним нашего ль съест казнокрада? Превзойдет ли маньяк де Сад? Воцарившееся равнодушие отменило грозивший нам ад.

X

«Ад — другие», — так Сартр объяснил нам, но лишь тот, кто еще свое Эго (или — Яго, сказал бы коллега) на себя же замкнут не успел, всем другим — ненавистным ли, милым — не поставил зеркальный предел.

Каждый ближнему стал посторонним, каждый заперт в своей одиночке. Пусть порой мы и жертвуем почки, пусть от горестей плачем навзрыд — все же чувства усердно хороним: доступ в души надежно закрыт.

Доверительность, искренность — басни, не в чести откровенное слово. Большинству дела нет до другого: все его устремления — бзик. Вавилонской строители башни, мы утратили общий язык.

Всем нам жаль даже малой толики своих дней, чтоб подумать о ближнем — разве что подозреньем облыжным подминаем его, как горой, — и в улыбочивых ликах улыки углядеть мы способны порой.

Как пробиться сквозь эти препоны, коль к другим поспевают из ада те, кому наша горечь — отрада, кто морочит и мучает нас, кто за смех выдает наши стоны, за ухмылку — отчаянье глаз?

XI

Преисподней грозили веками, а теперь всех оттуда поперли. Стали ль костью у ада мы в горле, превзойдя его бури и тьму? Ангел Смерти разводит руками — мол, и сам ничего не пойму.

Люди-призраки бродят по свету: никакого теперь расслоения, все равно, эвфемизмы ли, феня у «носителей» вязнет в зубах... Зомби всю полонили планету? Ну так что же? Подумаешь! Вах!

Приникая к сиянию экранов, все мы стали всеядны, по сути. Как хотите, картинки тасуйте, — переварятся и потроха. Каннибалы со вкусом гурманов, мы утратили чувство греха

. Эти рейтинги, рауты, трупы, сплетни, ролики и компроматы, котировки, мигалки, гранаты, гранты, оползни, сводки, долги, речи, форумы, — словно шурупы, всем нам вкручиваются в мозги.

Олигархи и генпрокуроры, террористы, послы, миротворцы, культуристов лощенные торсы, сериалов настырная рать, — как они расторопны, проворны, как хотели б все мысли забрать!

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

Продолжение. Начало на стр. 2

ГЕОРГИЙ ЯРОПОЛЬСКИЙ

ПОТЕРЯННЫЙ АД

ПОЭМА-ТРАКТАТ

XII

И, пожалуй, почти что забрали: где они, самостоятельные мысли? Верно: «старые вина прокисли, ну а новых пока еще нет». Матчи, игры, турниры и ралли — это очень похоже на бред.

В нескончаемом калейдоскопе то дарует секреты готовки, то ковровые бомбардировки преподносит бездушный экран: все — на равных! Но в этом нон-стопе рана есть, что страшнее всех ран.

Ибо что же еще есть реклама? Пытки ад'ом — прижизненной смерти — не могли бы придумать и черти... У них нос — как и хвост — не дорос! Среди залежей прочего хлама это словно бы апофеоз.

Очень трудно не стать мизантропом, если весь ты рекламной напичкан. Так и тянутся пальчики к спичкам, пусть вопит дурачье: Герострат! Как вас жечь — по отдельности, скопом? Чем воздать за безмерность утрат?

Впрочем, что я? Какие утраты? Ад потерянный ад'ом вернулся — оттого-то и стало так гнусно, оттого и померк белый свет... Как же бесы, наверное, рады, что у них телевизоров нет!

XIII

Нам еще повезло: одорайзер не успели придумать покуда; всех тактильных подробностей груды до сих пор еще пощажены; на экране — текила, «будвайзер», ан во рту у нас — только слюна.

Но звучания с изображением через край, как ни странно, хватило, чтобы в эквиваленте тротила передать ужас жизни земной! И — мозги охватило брожением, и — затмило глаза пленой...

Ныне, словно до грехопадения, зло с добром стали неразличимы: психопаты надели личины богословов, пророков, борцов, а зеваки глазуют, балдея, на красивую кровь мертвецов.

Это вскоре приелось — до скуки! Если прежде замурзанный киллер означал хоть и хилый, но триллер, то сегодня и этого нет: человечество, с адом в разлуке, лишь зевнет сообщеньям вослед.

Там — застрелена пара подростков, сям — с балкона швырнули младенца... От подобного некуда деться, но хотелось бы и новизны, только ныне все новое — роскошь, коли ада, и то лишены.

XIV

В Интернете — все та же засада: занырнешь за какой-нибудь справкой — на тебя с кистенем и удавкой оголтелый бросается сброд: из бедлама ли, из зоосада? Все одно: доставучий народ!

Голой правдой в глаза они тычут — мол, узнай все о той и об этом; и с непрощенным лезут советом: отправляйся, мол, летом туда; верещат, по-совиному кычут... В общем, сеть — это та же руда.

Продираешься к нужному через череду растопыренных пыток, скучных пастбищ для порнокопытных, сквозь убогие блоги козлов... Иногда, зверски выпятив челюсть, по дисплею ты врезать готов!

В строчку поиска я Люцифера ввел однажды — посыпался мусор, Люцифер в нем остался неузнан, он давно объявил нам бойкот; Вельзевул — в той же мере химера; Велиар — не ответил и тот...

Осенило, надрывно и нервно, что лишь в силу дурного расклада появилась такая шарада: воцарился вокруг суррогат, Интернет (сокращенно — «интерно») замещает исчезающий ад.

XV

Расплодилось вокруг симулякры: все живыми себя представляют, словно мяч их не выкатил в аут, словно то, чем живут они, — жизнь. Лебедями прикинувшись, кряквы чтят за верх свой изъязвленный низ.

До чего же обманчиво зренье: пень трухлявый покажется тронном, под Жар-птицу маскируясь, воронам недоумков дурочить дано; в короли прет фигляр на арене, о бурде говорится: вино.

В нашем мире исчадия ада предстают легкомысленной пеной; все они, распростившись с геенной, над которой вертел их шампур, вряд ли ждали такого расклада: все завесил глумливый гламур.

Эй, красотка, скорее прикройся: я ведь вижу в твоих очертаньях изобилие щупалец тайных, жвал, присосков и прочей муры — точно так же в сиянье «роллс-ройса» скрыты струпя, нарывы, бугры.

Чем уродливей, тем и гламурней: ведь гламур — душ скрывает уродство, с ним за место под солнцем бороться и сподручнее, и веселей... Кто ж не знал расфуфыренных фурий с нежной кожейцей, с чарами фей?!

XV

А любовь — она вряд ли красива, не сподобишь изысканным розам, нет в ней места ужимкам и позам, места нет для ажурных чулок, но такая в ней кроется сила, что башкой прошибешь потолок.

Чувство есть — не стесняешься пота и отломанных спинок кровати («Кой-кому по душе грязноватей» — вот неснятая лента Монро). У снесенного напрочь капота, ей-же-ей, неприглядно нутро.

Но все это в иную эпоху быть имело, а ныне исчезло. Что осталось? Лишь цифры, железо — никаких, понимаешь ли, душ! Сатане нам теперь, как и Богу, исполнять не приходится туш.

...В клуб ночной укатила Тамара, чтоб плясать до зари, до упаду, и бой-френдям скормить всю помаду, и исполнить стриптиз на столе; ну а завтра — опять та же кара: фотосессии унд дефиле.

Одряхлел в одиночестве Демон, вы б его не узнали сегодня, но за мелочью сразу невольно потянулась бы ваша рука; лишь невнятица, ступор и тремор ныне метят его, старика.

XVIII

Он на грани, где прежде триада тех ждала, кто и мер, ей доверься, — никакая, казалось бы, ересь не могла ее перечеркнуть, но — не стало ни рая, ни ада и заказан в чистилище путь.

Колобродят, как радиоволны, отражаясь от ионосферы (им уже ни числа нет, ни меры), сонмы теней — их тяжке ли труд? До поры они вроде безмолвны, но уж если в настройку войдут...

Изумится душа, заискрится — ей такие предстанут виденья, что, коль мало в ней сопротивленья, учудит она что-нибудь в такт. Что за дел предстоит вереница? Обусловит, конечно, контакт.

Эх, войти бы в контакт с Парацельсом или с Пушкиным! Только навряд ли: тучи зла куда гуще набрякли — даже днем разливается ночь. Сладить с этим плачевным процессом ад отныне не хочет помочь.

Это страшно! Подумайте сами: ни Джордж Буш, ни Усама бен Ладен, ни одна из прославленных гадин в преисподнюю не попадут — так и будут слоняться меж нами, ибо дьявол воздвигнул редут.

XVIII

Заградительной мглюю окутан мир под утро; наохлились птицы — ждут встревоженно новой страницы; дождь по жести колотит вразлад. Шелестит, пробуждаясь, компьютер — открываю «Потерянный ад».

Не закончено... Дело не в сроке: с этим замыслом я уж полажу — всю на место доставлю поклажу, весь распутаю темный клубок... Но откуда идут эти строки? Кто внушает их? Может быть, Бог?

«Как же, как же! — шепчу, чертыхаясь. — В смятом мире, где все так невнятно (дыры черные, белые пятна), тебя Бог на подмогу призвал? Правит ныне разнужданный Хаос — повсеместно лишь он правит бал!»

«Ну так что? — возражаю себе же. — Ведь портрет энтропии — он, может, энтропию на время стреножит, помешает ей на рубеже, чтоб не хлынула на побережье, над которым нависла уже!»

Если скалы лишь грудями пыли с ходом времени стали, то, значит, это утро не зря о них плачет, но чтоб Хаос грозил небесам?.. А ведь были предчувствия, были! Двадцать лет, как я в «Буднях» писал:

XIX

«Разорвались причинные связи: в установленный час не светает, лед от лампы паяльной не тает, без конфорки бурлит кипяток, и на улицах чище от грязи, и трезвит торопливый глоток.

«Больше нет ни законов, ни правил! Ни Ньютону, ни даже Эйнштейну не прийти ни к какому решению относительно будущих па сумасшедшей вселенной, где равен каждый каждому, праху — толпа.

«Не поможет анализ усердный. Даже я, выдающийся логик, понапрасну свой мучая лобик, ни хрена объяснить не могу: выживает не сильный, но серый, а кто прям — те и впрямь ни в дугу.

«Над столетьем хохочет секунда. Календарь правит сменой сезонов. Бесшабашные жаждут резонансов. Толстокожие стонут во сне. Жизнь паскуд и скудна, и паскудна, ну а painькам — гаже вдвойне!

«Мы, полны беспричинной кручины, беспричинного ищем веселья, а хлебнув приворотного зелья, забываем, с кем пили его. Так шарманка теряет пружины, но играет вполне ничего.

XX

«Мы смеемся, когда не до смеха. Мы себя за суждения судим. Мы себя начинаем абсурдом — и сморкаемся в чистый батист. Все навыворот, все! Даже эхо на «ау» отвечает «катись».

«Как мотыга чурается клада, мы боимся внезапной удачи. Не взаимности требуем — сдачи! Ваших слов мне вовек не забыть. Их так мало, что больше — не надо. Я так счастлив, что впору — завьить».

Но завьить — значит, выказать чувство, а Камю показал нам, что ныне всяк в своей пребывает пустыне, погрузившись в себя с головой; состраданье сегодня нам чуждо — и бессмыслен поэтому вой.

Если слой в тебе этот не смылся, если что-то еще тебе надо, ты, не труся ни рая, ни ада, проклинаясь свое естество, — впрочем, Хаос готов лишиться смысла все, включая себя самого.

Хаос — это нирвана, забвенья, а точнее — все одновременно: перманентная он перемена, что, меж тем, ничего не сулит; он, бурля, так и пенится в вене, извиваясь, что твой суицид.

XXI

Только надо ль дружить с суицидом, если воздух и так пахнет смертью и звенит похоронною медью? Для чего в этом деле спешить? Пусть талдычит кой-кто о постыдном, «умирать» — это то же, что «жить».

В энный раз повторяю: все живы, даже те, кто был мертв и при жизни, отдаваясь душой дешевизне побрякушек, съдающих свет; даже те, что настолько сметливы, что махрою засыпали след.

В этих шахматах правила новы: в них равны все собачьи фигуры, не спустить ни с одной из них шкуры, даже бытие — снова в бою и сложить, идиоты, готовы, ни за что головушку свою.

Оттого-то и жизнь свою цену понижает: ведь спросу не стало — мы теперь, не смущаясь нимало, в тот же самый водоем, а уж если со стоном на сцену опускаемся, тут же встаем.

Не у дел стал с извилистым «или» буриданов мыслитель, принц Гамлет, череп Йорика больше не скалит в каламбуре язвительном рот — они оба, бедняги, застыли, упершись в заколоченный вход.

XXII

Почему же закрылось inferно? Неужели же — из чистоплюйства (или, скажем, устав от холуйства) в скит подземный ушел Велиар, рассудив, что и сами усердно мировой мы раздуем пожар?

(Анекдот: тип из «Теплоэнерго», став начальником адской котельной, деловой своей хваткой смертельной учинил там такой тарарам, что и пламя едва не померкло, и пол-ада замерзло к чертям!)

В чем ответ? Их, ответов, — избыток! Предлагаю такой, для примера: нет намеренья у Люцифера исправлять человеческий род. Или вот: мы ему — пуще пыток, потому что любой из нас врет.

На мой взгляд, очевидна причина: исказили мы замысел Божий — Его образу вторим лишь кожей, а скрепленные ложью сердца, как от высшей материи — глина, далеки от прожектов Творца.

Разлученные с ужасом ада, мы не чуем масштабов утраты (если разом сгорели все карты, безразлично, что «после», что «до»). Мы живем в ожидании Гада — ни при чем здесь какой-то Годо.

Окончание на стр. 4

Окончание. Начало на стр. 2-3

ГЕОРГИЙ ЯРОПОЛЬСКИЙ ПОТЕРЯННЫЙ АД ПОЭМА-ТРАКТАТ

XXIII

Год за годом — но дата все та же. Бег на месте: век снова двадцатый, снова пыжится кто-то усатый — или, может, побрился-таки? Нам от жирной отмыться ли сажи — или это уже не с руки?

Надоело! К чему отмываться, если все, что грядет, уже было? Каб луна состояла из мыла, мы давно бы ее извели... Ни к чему, ни к чему отрываться — даже взглядом — от прочной земли!

Вот скажи — до боренья ли духа, если, сколько бы там ни боротся, не оценят усилий для роста, не признают: он стоит нас двух? Констатирую строго и сухо: атавизмом сегодня стал дух.

Принудительный праздник желудка притязает занять его место: праздник мяса, подливы и теста, на котором отшельник — изгой. «Боль страшна, но бесчувствие жутко», — так писали в эпохе другой...

Но зачем вообще писаниной засорять неказистую нишу?! Чье внушенье повсюду я слышу? Подбивает не спать как сурок, но за мир с вдохновенною миной зацепиться хоть парюю строк!

XXIV

Если строки оплачены кровью, как втянуть подобное ордам, что стихи приравняли к кроссвордам, теща ими свой скучный досуг? Словно к плахе, припав к изголовью, в сотый раз повторюсь: не до сук!

Не до субчиков томных, субтильных, не до их благовонных миазмов: пусть, в их патоке гнойной увязнув, ничего не имея взамен, млеют девки от песенок «стильных», — вес их выдержит даже безмен.

Но, пускай твои строки и краше, пусть куда совершеннее звуки, ты отнюдь не свободен от муки, от сомнений, от чувства вины, что подобны творения ваши — и, *horribile dictu*, равны.

Пусть задумал ты что-то большое, избегаешь заезженных формул, ввысь глядишь с перехваченным горлом, небывалую видя звезду, — все равно, даже в этом офшоре остается местечко стыду.

Но постыдней всего и обидней, что стоишь под кармическим корнем, а над замыслом, гордым и горним, вьются мухи, что твой ореол... «Капля точит», — подметил Овидий, ну а пытку Китай изобрел.

XXV

Кстати, прежде считали в Китае, что удачливый самоубийца может в тело живое вселиться, неприкаянной сутью скорбя, — вот наивность! Мы целые стаи на постой принимаем себя.

Они ссорятся, воют, буянят, претендуют во всем на главенство, утверждают, что все им известно, и, усвоив повадки шпаны, чтоб своей твою вытеснить память, несуразные шлюты тебе сны.

Ни секунды от них нет покоя: теребят твои руки и ноги, прочь уводят от верной дороги, тянут, гады, за грешный язык — все сбивают на линию, коя поперек той, к которой привык.

Только этим и сходен ты с Блоком — мол, молчите, проклятые книги! Плюс — у зеркала зыбкие миги, когда рожу признать — ну никак! То одним, то другим станешь боком — это что там за шаткий ишак?

Что ж, быть может, поэтому черти отвернулись, в любом из нас Сфинкса различая? Нет, все-таки свинство — взять и озеро серное слить! Дар, который содержится в смерти, лишь бессмертным дано оценить.

XXVI

Гимн бессмертию многие пели, но не ведали, что оно значит. Путь, который однажды был начат, допустимо ли длить без конца? Не лишится ли всякой он цели, если век не узнает венца?

Агасфер — пионер в этой школе, но ничем поделиться не может; говорят, что тоска его гложет — та, которой не знали пока... Все постигнем доподлинно, коли, как и он, промотаем века.

«Промотаем», — сказал, потому что бесконечность сподручней для мота. Первый век, что пройдет без присмотра, на какие потратить дела? Вспять апатия тащит... Неужто вскачь пускают нас лишь удила?!

Лишь давленье дает стать алмазом, а иначе безвольным графитом ты пребудешь? В сравненье избитом свежий смысл обнаружится вдруг, если вольно растекшийся разум отобьется, бездельник, от рук.

Страшновата такая свобода, бесхребетностью дикой чревата... Да, свобода стадам страшновата: кто укажет единственный путь? На «отнюдь» (это новая мода) надо мыкнуть: «Вот сам и отнюдь!»

XXVII

Пикировка: «Эрзац Роттердамский!» — «Погоняло тебе — Поганини!» Что могло бы шокировать ныне, прозвучав диссонансом в тиши? Сей обмен, беспардонный и хамский, кто-то вздумал звать «криком души».

Этот крик много проще мычанья: не мычать и не тельиться — выбор. Обратиться не в пору ли к рыбам, в их риторике поднатреть? Умолкаем, проснуться не чая, и уже онемели на треть.

Все герои попрятались в щели, рты заткнули себе и зажали. Тараканам нужны ли скрижали? Там нужны ли скрижали, скажи, где жужжат и плюются ужели — пучеглазые быко-ужи?

Я не с ними! Безмолвствует клака? Мне не надо ее одобренья. Глуховатое выпало время? Я его тишину сокрушу — не приемлю тошнотного кляпа, потому и поэму пишу.

Девятьсот — девяносто — и девять: столько строк будет в этой поэме; для нее очень даже по теме три шестерки тормашками вверх — ад закрыт, ничего не поделать, вместо зверя пришел человек.

XXVIII

Человек в кайнозойскую эру — в четвертичный период к тому же — вряд ли стал прародителей хуже, только вот коллективное зло превзошло уже всякую меру и в конфессию переросло.

Ныне чистое зло — вот беда ведь! — неподдельным добром именуют, этой лжи все жрецы не минуют: побеждает у них не добро, — т добро у них, что побеждает, проникая, как клизма, в нутро.

Мы теперь в изоляции дикой на съеденье остались друг другу — убиваем братишек по кругу, чтобы ими убитыми стать. Насладитесь картинкой двуликой: каждый — жертва, и каждый же — тать.

Устрашась наших стогн, наших улиц, что пропитаны смрадом и болью, где над ближними тешимся вволю и себя предаем на их суд, силы зла и добра отвернулись: не накажут, но и не спаст.

Обнаглела ожившая глина, лишь прислушаться — комья судачат: «Ад и рай ничего нам не значат! Что нам Смерть с ее ржавой косой? И не надо нам новокаина, на дворе теперь — Кайнозой».

XXIX

Взгляд в окно. Двор кишит детворою — поясните: ну кто из них Каин? Может, этот (рот в крике оскален — смачный мяч из офсайда забит)? Что сказать голосистому рою, чьей прамачехой стала Лилит?

Что сказать в утешенье пришельцу? *Labor omnia vincit improbus*? Мол, раскрутим до одури глобус, всем кагалом налегли на ось, — и к такому придем совершенству, что в раю и не знали, небось?

Но, увы, не уйти от наследства: настагает со скоростью света тьма, которой безжалостна мета, — так вовек не клеймили овец. Сквозь литавры «счастливого детства» не слышать биенья сердец.

Но, быть может, они и не быются, не стучат, не колотятся дробно? Все сердца схоронили под ребра — различить, что к чему, нелегко. Быются чашки, тарелки и блюдца, ты ж бесчувствен — не так ли, Коко?

Ты, Коко, негодяй или агнец? Агнец может ли быть негодяем? На кофейной мы гуще гадаем... Хоть порой назначаем УЗИ, невозможно поставить диагноз, а особенно — если вблизи.

XXX

Отвалить бы на сотню парсеков, чтоб оттуда реально взглядеться в наши доблести, в наши злодеяния, всех улик распатронить набор, а затем, что почем, раскумекав, этим дням огласить приговор.

Брест — и Ковентри — и Хиросима, в идеальных скрещенные линзах, нам во взор бросят огненный вызов, триста с лишним копившийся лет. Это будет непереносимо — но придется нашарить ответ.

На вопрос, скажем, о Холокосте, что, в затылке скребя, мы ответим? Что забыт за полвека Освенцим, стал до лампочки, до фонаря? Тот урок (печи, кожа да кости) был преподан всем выжившим зря?

Потому и лишения терпим, что свой ад на земле учредили, как хотели, судили-рядили — и пошли, как «Титаник», ко дну... Но надежду мы все-таки теплим, на нее уповаем одну.

Если совесть очнется от комы, преисподняя будет открыта, к бытию повернемся от быта, обозначится новый виток — и, пускай мы почти незнакомы, к нам, быть может, пожалует Бог.

XXXI

Ниоткуда явившийся вьюнош заявил: «Промахнулся ты снова: что же нового в этом, иного? Ностальгия понятна твоя, но в минувшее нас ты не всунешь, из тумана веревки вия.

«На тебя я смотрю, усмехаясь: для чего этот пафосный грохот? Для чего сокрушаться и охать? Рассуждений ты нить потерял, ибо светом пронизанный Хаос — для гармонии материал.

«Служишь Богу и блесками фальши, если знаешь, в чем альтернатива. Не об аде радеть бы ретиво — о любви, что не сдюжит сама. Счет до двух, ничегошеньки дальше: или солнечный свет, или тьма.

«Пренебрегши простой аксиомой, ты, напрасно стремясь к равновесью, как индюк, надуваешься спесью, но по кромке тебе не пройти, — у вселенной, тебе незнакомой, не такие законы в чести.

«Вот, допустим, монетку подкинут: что-то будет — орел или решка? Предсказания — только насмешка, коль зависнет она у земли! Ад отнюдь не потерян — отринут, мы давно его переросли.

XXXII

«Да ведь ада и не было в мире — было только понятие Бога, что бессмысленно, жалко, убого испохабил антропоцентризм, не поняв, до чего оно шире алтарей, песнопений и риз!

«Разве сопоставимо такое? Этой скверне (молитвам, обрядам) никогда не бывать с Богом рядом, нищ роскошный ее балаган. Бога можно постичь лишь в покое — ты подобное предполагал?

«Нас столетьями числили стадом, обнаглев, обозначили паствой, каждый вздох начиня опаской с благонравием напополам... Да пошли бы вы в зад с вашим адом! — так и хочется крикнуть попам.

«Потому что на самом-то деле все иначе устроено, то есть не угрозами будится совесть, но отсутствием внешних угроз. Разберешься ль, в каком ты пределе, если все раздвоилось от слез?

«В мире нет никакой тьмы и грязи, что не стала бы ангельским светом на другом этаже, но при этом надо помнить единый закон: чтоб со светом остаться на связи, будь текучим и легким, как он».

XXXIII

Он сказал и ушел. Я остался. Подавился б своим монологом! Он меня обвиняет во многом: в заскорузлом стремлении вспять, в записном скудоумии старца, наконец, в нежеланье летать.

Но он прав: я из тех, кто обманут достоверностью плотных материй, потому-то и мнится потерей ад, придуманный кем-то другим. Что за слово! Два звука, а тянут сонм картин за собою, как дым.

Сновидения — противоядье, коль по мелочи весь ты не роздан и, как будто по кочкам, по звездам научился скакать до утра. «Ада», «аду», «в аду» и «об аде» — парадигму забыть не пора?

Сны — как прорези в панцире черном. Я в одном из них ангела встретил — тот меня взмахом крыльев приветил, но я все же его подстрелил... Позже снилось мне сплошь о ничемном: о мышах да о вкусе чернил.

А наемни и вовсе я сбрендил: мне помстилось в клубящемся мраке, что вокруг меня рыщут собаки; пригляделся — поклясться могу: пес, которого знал Питер Брейгель, бегал рядом, по брюхо в снегу.

* * *

*Ада нет. В перевалочном трансе
грезит август, укутанный в кокон.
Сочинитель все медлит у окон,
смотрит в небо придирчивым оком,
новых требуя к жизни харит.
По никем не расчисленной трассе
шпарит шарик в холодном пространстве,
и язык, что немислим был раньше,
сам себя из раздолья творит.*

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ЕЛЕНА АСЕЕВА
КНИГА АНГЕЛОВ

Ты говорила мне из воздуха словами,
Где без людей и без пристанища жила.
Где я питалась мглой, а реже — снами
Все забывая и себе лгала.
Ты мне сказала — Бог послал тобою,
Несуществующей тебе — Прости за боль.
Ты прошептала: «Без стихов поэт покойник»,
А в воздухе: «Спасибо за любовь».

1.

Учусь жить и писать с чистого листа,
Словно где-то была пол-века,
С семнадцати по тридцать два,
И лишь вчера вернулась.
Реактор сердца спать не давал и гнал по свету,
Остались: слезы, руки, прощанья, писем просо.
Так и не знаю — и нет ответа
На мой вопрос:
Успокоить сердце — мудрость
или смертельный грех?

2.

Октябрь.
Мухи ходят пешком по полу.
И ты — то ли сытый, то ли голый.
Любить уже поздно. И не к спеху.
Со скрежетом длились дни.
Мне солнце смеется
Сквозь ресницы.
Ему улыбнуться — и
Родиться
Снова.

3.

рождественское

Я не отметивши —
Ни рюмки, ни стола.
Прости, Родившийся,
Тебе зажгла
Самое светлое —
Свечу у складника.
А где-то в глубине
Светлей вдвойне...

4.

Когда ты в нигде
И имя твое ниоткуда,
Ты вспомнить пытаешься,
Но не дает новый строй
Игры. Ты надеешься
Снова проснуться —
Но это лишь новая жизнь.

Не бойся. Привычка заменится скоро другой
Привычкой. И те, кто любил, полюбят других.
Останется только оставленное
Позади.

Когда ты один в перевернутом мире.
Никто — а вокруг ниоткуда и трезвость

Того, что мелькнули года за секунду,
И в той скорлупе, что служила тебе,
Как такси, лежит только тишь.

Не страшно? Наверное, только сначала.
Потом обретаешь баланс,
Гравитация стала другой.
А сзади лишь сон.
В нем остались все те, кто еще.

Порывы проснуться так тошнотворны,
Как спазмы. Тошнит —
Пробужденье не будет.
От этого хуже еще.
Не хватает так рта и земли.

Успели простить ли...
Бессмыслица — новая жизнь.
И была ли какая-то до?
Мне приснятся собака и мама,
И кто-то еще, кто скучает.

Весь мир был клубок.
Где вращался по кругу лишений и
Меда. Решил ты вернуться?
Уж поздно.
Ворота открыты.

5.

Я так устала не стареть. И шум.
Все проникает он — и даже сон
Пронизан им.
И стали сны какие-то
Бессонные.

Я так скучаю без тебя — кого?
В дар красоте дала б любовь.
Как знать — вернула бы она
Процент.
Так телу грустно.

Люби... любить... любимая...
Любовник. Его, ее, двоих...
И никого. Безмолвный ангел сел на
Подоконник и ждет, как шум,
Старенья моего.

Когда иссохнут наконец ручки,
Застенчивость предвосхитит закат.
И в завтра каждый будет сыт и свят
Тем, что не смог или не стал
Сегодня.

Я так устала молча говорить...

6.

Дай руку. Даже в сне,
Который на кошмар похож,
В котором снова предаешь и
Покупаешь. Ангел,
Ты ли?

Дай руку, в пыль забытый саквояж.

Мой сон — не наш. Не тот наш.
И не нас тех,
В той наспех-жизни
Секонд-хэнда и метро.
Прости на «П»,
Очнись на «О».
В стране бессменной
Лим-по-по, что между небом...

Чужими побродив по кругу,
Все вытеснив на нет,
Все вычистив из писем
«Над» и «под»,
Свалив на детство и
Компот из младо-психо-алко,
И даже зная, что твоя
Подруга похожа на меня,
В противном гадком сне
Все так же:

— Дай руку.

7.

Ко мне пришли друзья мои во сне
Из юности, пресыщенной любовью,
Пришли и стали к изголовью —
Я накормить пыталась их.
Пришли на день рожденья мой:
Собака, мама, Юля, Катя, Таня
И те пришли, кто сердца
Горечь взяли. Те, кто отдали
Мне свое. Как сны,

Что догорают и не ведают преград,
Что знают время — это просто повод...
Пришли и стали за спиной, как холод.
— Ну, здравствуйте...
Так долго вас ждала.

8.

Надо мной все так же то же небо —
Сколько лет и жизнью пронеслось.
А осталось небо — остальное
Перешло. Перегнило. Стряслось.
Все ушли — остались оболочки —
В них любовь. По ней найду я след.
Небо с возрастом становится короче —
Нам. За то, что в сердце неба нет.

9.

Я вас люблю:
Сегодняшние, завтра
Пришедшие. Рисующие,
Плачущие, грезящие,
Толкающиеся, винящие себя,
Возлюбленные — так сказал.

И вот мы здесь,
Мир странен.
Он бежит по кругу.
И ты, спиралью вкручиваясь
В жизнь, теряешь что-то и
Находишь.

Тоскуешь. Бредишь. Бродишь.

И вряд ли мы придем туда,
Откуда начали свой путь.
Но не забудь — над этим светом
Свет другой
(Надеюсь).

Там будет легче.

10.

Я помолюсь листвою грозовой,
Я расскажу, что шепчут облака,
Насупившись.
Я вам махну рукой
С под-облака
Или с-еще-повыше.
Впервые в жизни мне не жмут часы,
Впервые ночью безучастен мрак,
Впервые я не испугалась быть
С другого края
Крыши.

Продолжение. Начало на стр. 5

ЕЛЕНА АСЕЕВА КНИГА АНГЕЛОВ

11.

Я сегодня простая. Я не брежу, не плачу,
Не впадаю в забывчивость и не чу снов.
Я сегодня как люди — просто следую моде,
Не в угоду межстрочью лишь
Машу горсткой слов.

От меня отвернулась амплитуда всезнанья,
От меня разбежались все, кто ждал похвалы.
Я решила послать вас. А потом удалить все.
Что вы ждете общенья, если я чистый файл?

Всех забыла — вас нету. И себя тоже стерла.
Я себя искромсала из самого нутра.
От меня лишь остались пара рук да компьютер,
Остальное отсохло: кислотой сожгла.

Я сегодня простая — мир как в детстве огромен.
Он красив в каждой клетке, он живет
Каждой мной. Облака снова кони,
В луже плещется небо —
Я вернулась. Я дома,
Дом мой лета
Босой.

12.

Я не проронила ввысь
Ни слова засоренного
Не мною. Всем была,
Все брала:
Печаль моя струною
За плечами вьет
Застенок мне.

Ангелы стоят у
Изголовья.
Время пьют мое.
Своей любовью
Откупаюсь я пока,
Но меньше стало —
Жажда подступает
К сердцу.

Я вползу в нее,
Вскребуть змеюю.
Ущипнуть себе немного
Сути. Чтобы в мире этом
Мой кусочек
Продолжался,
Если я засохну.

13.

Пчела вдруг, пролетая, обронит
Взгляд. Задумается.
Станет из племени одною
Непчелою.

Из жизни выйди в дверь
Извне. Не стань завистником
Других, чьи веки
Полны.

Не отведи глаза, когда во сне
Захочешь пить.
Чья чаша?

14.

Звук. А вокруг ни души —
Ветер играет звездами.
Я тебе протяну: «Причешу
Мысли мои несносные».

Мы с тобой останемся здесь:
Заиграться и не проститься.
Остальные внизу и в дверь,
А мы вверх и в окно — как птицы.

Я совью из себя гнездо,
Одеяло из старенькой шали.
И никто нам не бросит в лицо,
Что мы тише других молчали,

И никто не прольется вслед,
Не помянет и не распилит.
Нам с тобой тишину стеречь
Так же просто, как мы любили.

15.

Заплатили мне за щедрость —
Расставаньем, безответом.
За талант я рассчиталась
Скукой дней и бездорожьем.
Мы любили так тревожно,
Верили не без страховки —
Заплатили мне за трусость
Ветром, ветром молчаливым.
И осталось взять котомку,
Оторвать последний волос,
Что прирос к желанью счастья,
Да отправиться за горы
Собирать в корзинку небо.

16.

Эклога летняя

I

Орнаментом повитой ночью ткани
Свисают записи пристанищ и вранья.
Все то, что причитается в придачу,
Все то, что не дает забыть свое
И улететь: желание Иметь.
Мельчайшее и доброе на свете
(«Мое», — щебечут, просыпаясь, дети)
Дано нам от рождения сумой.
И даже, если кажемся чужими
Себе. Свет сплит, странно
Звонок сон. Кто знает?
Ведь не зря взращен
Адам из пыли.

II

Над островами тянет запах лета,
Цикады тикают, считая дня минуты,
Потрескавшись от ветра и жары —
Остатки вечности.
Плетется зной за ставни.
Свист трясогузки. Телефон устал.
Свод неподвижен.
Пот расплавит камни.
Лишь небо говорит: «Ты — кровь,
Мой новорожденный след
И подражанье».

«Не надо, небо,
Мне и так хреново».

III

Когда ждала лимита на рожденье,
Я сомневалась как сейчас,
Быть даже больше.
(Все говорили: «Нафига тебе?») —
И, подобрав себе из сотен маму,
В жизнь впрыгнула. Ее любила До —
Десятилетия, а, может, эры.
Мне так хотелось вылезти, сказав:
«Привет, узнала?»
Но, к сожалению, она
Не слышала.

IV

На дереве качается листок,
В него завернут кокон, ждет рассвета.
За ним охотится сорока, ей кормить
Детей. И лету не всегда гостить
Здесь. И в этот час, коль есть Он —
Думает ли вдруг, чье нерожденье
Больше?

V

Мне отвернуться — все вернется вспять,
Вновь разбегутся горы и озера,
И мамонты проснутся ото льда
И птицы, что размером с дюны,
Размахом крыльев закрывают свет.
В зрачок сжимаясь, кружится
Земля к желанию,
Что изначально было:

Иметь.

Как сына.

17.

Я в одиночество войду,
Мы с ним друзья почти навеки,
Бескрайние плескались реки
В том мире где... Не наяву.
О вы, прогнавшие любовь,
И слезы выскребшие хаты,
Я перед вами виновата,
За мозг беззубый и стальную
Неподчиняющейся плоти —
И вот одна, на перепутье,
На перекрестии ветров.

Окончание на стр. 7

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

Окончание. Начало на стр. 5-6

ЕЛЕНА АСЕЕВА
КНИГА АНГЕЛОВ

Мой друг, ты тот, в котором все
Черты и мысли вдруг собрались,
Всех тех, которые боялись,
Чей шаг ко мне был убегающим,
А расставание как врач —
К тебе приду, спина к спине
Мы у чердачного окошка,
А город сщурившейся кошкой
Нам свистнет ласточкой —
Не плачь...

18.

Неведомо куда текут истоки рек,
И ветер, осквернив остатки чьих-то
Кладбищ, несет себя в сады,
И вечность, имярек,
Распустится листвою
Страниц — не дав исправить.

Мир не моноедин, в нем копошится люд,
Одни вам продают, другие вас повесят,
Неведомо зачем без ведома снуют
Между артерий сна и призрачных
Поместий в пестрени витрин
С зазывами газет, в апплодисменты
Лож, в собранные шумных клетей.
А я лежу в тиши,
Мне дальше — лишь луна.
Одна нога внутри, вторая —
Вглубь столетий.

Мне видно, как на свет
Сбежались мотыльки,
Как проползает ход червяк —
Без глаз, без цели.
Как упадет перо. Мне принесет
Свое сердцебиенье шмель,
Мне сбудутся живыми руками
Все, кто сел и оставался миг,
Чья кровь кормила мух и
Растворяла время.
Кто написал «Здесь был...»,
А после «Миру мир».
Неведомо куда, неведомо какими
Живут они дверьми.
И почему еще?

19.

Мой мир зеленый. Из пахучего бессонья
Зима раздала всем по пряди снега,
Мне расставаться так легко —
До неба из сердца напрямиком
Рукой подать.

Я словно крови напилась
До опьянения.
Своей же.
И, забывшись на мгновенье,
Располовинила веснушчатое
Лето, что, жизнь
Ручьем вручив,
Мешало спать.

20.

Я не могу понять, откуда в сердце робость
И странная печаль по несбытому.
Сентябрь расколел небо.

21.

Я вроде бы живу,
Пытаюсь, улыбаюсь.
И вроде не одна:
Со мною пес и мама —
Вот все мои пожитки.
Да в голове сундук
Историй, фраз и судеб,
Вспясть рушившихся будней,
Воспоминаний шкаф.
А я в пустынной зале,
Подсвечник на рояле,
Осенний стук в апреле
В окно летящих снов.
Вы не меня позвали,
И не меня хотели,
Я просто в вальсе ветра
Запру дверь на засов.
А в парке за стенами,
За блеклыми стенами,
Олени, лисы, совы —
Все знали — я приду.
И в этом мире строгом
Была не одинока,

Реальнее реальных,
Счастливее, чем жду.
Подсвечник на рояле,
Туман похож на небо,
Здесь музыка правдива,
И слов — не перечить.
Ко мне приходят звери,
И затихают люди.
Я, наконец, свободна
От мира, где все есть.
Я вроде бы жила,
Пыталась, улыбалась.
И я совсем одна
Стою тут — страшно.
Странно.

Кабул, 2003-2004

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

ЮРИЙ КОВАЛЁВ
СТАРЫЙ КЛЕН

Нудный, дождливый осенний вечер. Все тускло и беспросветно уныло. Городская окраина. На трамвайной остановке толпится молчаливый, понурый народ.

В монотонный шепот морозящего дождя медленно вплетаются хриплые прерывистые звуки, будто кто-то с бульканьем и свистом втягивает в простуженную грудь сырой, холодный воздух. С трудом они набирают силу, обретают некоторую стройность и, наконец, складываются в знакомую мелодию:

— Старый клен, старый клен, старый клен стучит в стекло...

Слепой гармонист, запрокинув мокрое, с впалыми глазами лицо к такому же незрячему, бельмастому небу, старательно перебирает негнушимися от холода пальцами чернотельные кнопки латанной-перелатанной трехрядки. Он нервно ерзает по мокрой скамейке и с тревогой прислушивается к дребезжащим, прерывистым звукам, которые издает его изношенный инструмент...

— Отчего, отчего, отчего гармонь поет?

Оттого, что кто-то любит гармониста...

В своем огромном, не по размеру, брезентовом плаще слепой напоминает неуклюжую, грузную птицу. Узкое лицо, обтянутое пергаментной кожей, длинный крючковатый нос и седой, колючий хохолок на мокрой макушке только усиливают это сходство.

Рядом с гармонистом терпеливо мокнет под дождем неприятного вида пожилая женщина-поводырь. Одной рукой она придерживает напарника за плечо, в другой мнет замызганную кепчонку, на доннышке которой, тускло поблескивают несколько мелких монеток...

— Отчего, отчего, отчего так хорошо?

Оттого, что ты мне просто улыбнулась...

Нехитрая мелодия повторяется снова и снова, сливаясь с шелестом нескончаемого дождя и тихим шепотом ветра, который безуспешно пытается разворошить мокрую листву, охапками лежащую на тротуарах...

К остановке с грохотом и лязгом подходит припозднившийся трамвай. Он принимает в тесное, сырое нутро продрогших людей и быстро растворяется в дрожащей дымной мгле.

От прежнего многолюдья остаются потерявшаяся бабушка, оцепенело мокнущая под дождем, да пьяненький бродяжка, которого веселит незатейливая музыка.

Сначала он громко мычит, силясь подпеть гармонисту, потом начинает бродить вокруг скамейки на заплетаящихся ногах, спотыкаясь и потешно покачиваясь в такт мелодии. Время от времени он останавливается и размахивает руками перед лицом слепого, безуспешно пытаясь привлечь его внимание. Но пьяного запала хватает ненадолго. Бродяжка обессилено опускается на скамейку рядом с гармонистом, заходит в кашле и вскоре застывает в каменной неподвижности...

Спутница гармониста медленно, с усилием встает и берет напарника под локоть. Она помогает ему подняться и привычно тянет за собой, но слепой вдруг вырывается и злобно дергает гармошку, которая отвечает ему испуганным визгом. Он взбрыкивает скуластым лицом, стряхивая с него ворох дождевых капель, и неожиданно кричит силным рыдающим голосом в подступившую темноту:

— Отчего, отчего, отчего мне так светло?

Оттого, что ты идешь по переулку...

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13

Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001

Расчетный счет: 40702810800670000380

БИК: 044525219

Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru, <http://poetograd1.livejournal.com>,
<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)

Издатель

Евгений Степанов

Главный редактор

Наталия Лихтенфельд

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Шеф-редактор

Евгений Мелешин

Заместители шеф-редактора

Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Анна Барина

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Барин, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)